

**У ИСТОКОВ КАНОНИЗАЦИИ СЕРАФИМА САРОВСКОГО
(ПОЛЕМИКА В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В СВЯЗИ С ОБРЕТЕНИЕМ МОЩЕЙ)**

DOI: 10.25629/НС.2019.11.05

Левандовский А.А.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена начальному этапу грандиозной полемики, охватившей русскую прессу в 1903 году, в связи с канонизацией и прославлением Серафима Саровского. В центре внимания автора жесткая дискуссия, разгоревшаяся в связи с обретением мощей новоявленного святого; она была вызвана тем, что останки старца плохо сохранились. В статье прослеживается, как разворачивалась эта дискуссия, зачин которой дали органы печати, издававшиеся нелегально: эсеровская «Революционная Россия» и либеральное «Освобождения»; анализируется «Необходимое разъяснение», с которым от лица Святейшего Синода выступил Санкт-Петербургский митрополит Антоний; подробно рассматриваются выступления по этому поводу консервативных, проправительственных органов печати. Обращаясь к воспоминаниям дневникам и переписке современников, а также к архивным материалам Департамента полиции, автор дает представление о том, как вопрос об обретении мощей и связанная с ним полемика воспринимались в разных кругах русского общества. Особое внимание в статье обращено на ожесточенный, непримиримый характер дискуссии, на полярность позиций, занятых ее участниками. В заключение автор делает вывод о том, что обсуждение вопроса об обретении мощей задавало тон всей дальнейшей полемике, разворачивавшейся в прессе по ходу канонизации и Саровских торжеств и усугубившей напряженную общественно-политическую ситуацию в предреволюционной России.

Ключевые слова: Серафим Саровский, канонизация, обретение мощей, Саровские торжества, консервативная, либеральная и радикальная пресса, полемика, Департамент полиции, митрополит Антоний, П.Б. Струве.

29 января 1903 года Святейший Синод обнародовал определение о прославлении преподобного Серафима. Торжества по этому случаю решено было провести в его день рождения, 29 июля того же года, в Сарове, городе, неразрывно связанном с памятью о старце. Канонизация и Саровские торжества стали ярким и очень значимым событием в жизни предреволюционной России. Помимо всего прочего, эти события – точнее, реакция на них – в очередной раз продемонстрировали совершенно безнадежный разрыв в отношениях между властью и проправительственными кругами, с одной стороны, и оппозиционно настроенной общественностью, как либеральной, так и радикальной, с другой. Бескомпромиссное противостояние этих сил очень ясно проявилось в грандиозной полемике, охватившей русскую периодику в преддверии и по ходу торжеств. В данной статье в центре внимания – зачин полемики, завязавшейся в связи с обретением мощей старца; зачин этот, на наш взгляд, задавал соответствующий тон грандиозной журнально-газетной кампании, не утихавшей на протяжении нескольких месяцев – с весны по осень 1903 года.

Следует отметить, что вся эта полемика, в целом, и вышеупомянутый зачин, в частности, в исторической литературе изучены явно недостаточно. Даже в серьезных работах, посвященных вопросам, непосредственно связанным с канонизацией Серафима и Саровскими торжествами, материалы публицистики упоминаются вскользь, как своего рода иллюстративный материал¹. Определенное исключение составляет статья Г.Л. Фриза, но и в ней интересующая нас проблема освещена достаточно бегло².

Вопрос о мощах новоявленного святого с самого начала оказался в центре внимания тех, кого так или иначе волновал сам факт его канонизации. Причиной тому являлась плохая сохранность останков Серафима. Еще Достоевский в «Братьях Карамазовых» провидчески показал, источником каких серьезных переживаний и сомнений может стать подобная ситуация даже для людей верующих глубоко и искренне; для тех же, кто был настроен, в принципе, антиправительственно и антицерковно, здесь открывалась возможность дискредитировать всю эту «затею» у самых ее истоков.

Естественно, что правая проправительственная и духовная печать, до поры до времени, деликатно обходила подробности, связанные с сохранностью мощей. Зато противная сторона этими подробностями сразу же заинтересовалась. Тема обретения мощей стала настойчиво подниматься в «вольных» изданиях; в подцензурной печати обсуждать ее с критической позицией было, конечно же, невозможно. Уже в марте 1903 года эсеровская «Революционная Россия» с нескрываемым злорадством описывала проблемы, связанные с мощами Серафима. Автор заметки писал о «соблазнительности для верующих <...> историй, разыгравшихся с «останками» старца Саровского Серафима». Он иронически замечал, что «веяние XX века коснулось даже православной бюрократии в лице одного из иерархов. Тамбовский архиерей Дмитрий Ковальницкий, которому были поручены предварительные изыскания относительно нетления останков Серафима, такового нетления не нашел, обретя в могиле старца лишь кости, да волосы»³.

Статью в «Революционной России» вообще стоит отметить особо: ее автор, обнаруживший и хорошую осведомленность, и понимание сути дела, первым ударил в самое, пожалуй, уязвимое место канонизации. Недаром «злокачественность» этой публикации особо отметил сам министр внутренних дел В.К. Плеве, курировавший организацию и проведение торжеств. В своем официальном сообщении обер-прокурору Св. Синода К.П. Победоносцеву «О преступной и кощунственной агитации по поводу открытия мощей преподобного Серафима Саровского, благоговейно ожидаемого большинством населения империи» он писал: «Некоторые подробности, приводимые в этой статье и при всем злонамеренном извращении соприкасающихся с ними фактов, обнаруживают в авторе достаточное знакомство с предметами, о которых он пишет, и, вследствие этого, естественно, возникает предположение о его близости к кому-то из лиц духовного ведомства»⁴.

Как бы то ни было, с легкой руки неведомого автора «Революционной России», проблема, возникшая при открытии мощей, привлекла внимание антиправительственно и антицерковно настроенной интеллигенции. Конечно, можно быть уверенным, что самая идеальная сохранность мощей ее все равно ни в чем не убедила бы; обретение же «костей и волос» порадовало, поскольку дискредитировало ненавистную власть. Из тех немногих упоминаний о канонизации, которые сохранились в переписке, воспоминаниях, более поздних, послереволюционных публикациях, очевидно, что для представителей либеральной интеллигенции вопрос об отсутствии мощей стал вообще определяющим в ее отношении к Саровским торжествам. В.Г. Короленко, совершивший «паломничество» в Саров, в своих письмах весьма подробно описывал «быт и нравы паломников»; о самом же новоявленном святом у него лишь одно упоминание: «Провонял, бедняга, как Зосима у Достоевского, а старик был хороший»⁵ (характерно, что сознательно или нет, Короленко использовал «образное выражение», употребленное по отношению к останкам Зосимы Раkitиным – персонажем «Братьев Карамазовых», которого Достоевский наградил чуть ли не всем набором отрицательных черт, присущих так нелюбимой им интеллигенции). В.П. Обнинский в своем обзоре царствования Николая II, обращаясь к Саровским торжествам, живописал прежде всего «общее изумление, когда в гробу оказался простой скелет с истлевшими волосами и клочками савана вместо благообразного старца!...»⁶ А.Ф. Кони в очерке о Николае II с негодованием писал о «несуществующих мощах Серафима», появившихся лишь благодаря «услужливости» высших церковных иерархов»⁷.

Совершенно очевидно, что все эти авторы выражали мнение, весьма распространенное в интеллигентских кругах, где полагали, что канонизация – это не более чем очередная мера

самодержавной власти, направленная на укрепление существующего строя. Отсутствие негнанных мощей новоявленного святого явилось для них удобным поводом, чтобы эту меру по возможности дискредитировать. Что же касалось светской и духовной власти, так же, как и представителей консервативной печати, то они, очевидно, предпочли бы, в принципе, избежать публичных выступлений по этому поводу. И это, казалось бы, было вполне возможно. Ведь нелегальные издания, вроде «Революционной России», имели, естественно, очень специфический круг читателей. Либеральные же органы печати, в условиях достаточно жесткой цензуры поднимать подобные вопросы, очевидно, не рисковали. Недаром тот же Короленко в частном письме сетовал: «Попытался из Дивеева послать заметку в «Русские ведомости», но мне теперь явно не везет: или конфисковала почта, или редакция побоялась печатать несколько умеренных трезвых слов среди кликушеских воплей остальной прессы»⁸.

Однако положение властей и их сторонников осложнялось тем, что радикальная интеллигенция – да и либеральная тоже – не скрывала своих стремлений вести агитацию и в обществе, и непосредственно в народе против канонизации в целом и признания останков Серафима мощами в особенности. Так еще 1 марта 1903 г. Все в той же «Революционной России» в хронике академического движения сообщалось о студенческом собрании в Московском университете, на котором ораторы призывали «выбрать ряд мер борьбы» против такого «всероссийского надувательства темных масс», каким является «открытие мощей Серафимовских»⁹.

Подобные заявления не могли не тревожить представителей власти – прежде всего тех органов, которые отвечали за порядок и безопасность во время подготовки и проведения Саратовских торжеств. Было совершенно очевидно, что заметками «Революционной России» дело здесь не ограничится. Не случайно в конце апреля 1903 г. в охранных структурах возникает оживленная переписка по этому поводу. Из московской охранки в Департамент полиции следует сообщение, что по «полученным из агентурного источника сведениям ко дню 19 июля – открытия мощей в Саратовской пустыне – революционными группами предполагается выпуск целой серии нелегальной литературы по поводу означенного события и специально предназначенной для раздачи среди богомольцев...» Департамент полиции, в свою очередь, оповестил об этом «заинтересованных лиц»: начальников нижегородской охранки и Тамбовского жандармского управления¹⁰.

Оказалось, что тревоги охранников были не напрасны. 1 июня они уже имели в своем распоряжении образцы гектографированных объявлений от имени некоего «Центрального Совета Союза борьбы с православием», которые в это время широко рассылались по почте в редакции газет и частным лицам. Выглядели они следующим образом:

Извещение № 1

«Союз борьбы с православием», во исполнение долга своего перед истиной и народом русским, принял на себя расследование дела о мощах Серафима Саровского. Сим извещаем, что союз не остановится в случае надобности и перед вскрытием содержимого гроба.

Центральный Совет Союза борьбы с православием

Постановление

Мы, нижеподписавшиеся, считая деятельность организации, присвоившей себе наименование «Восточной греко-кафолической церкви», вредной для блага русского народа, дав ему имя «Союз борьбы с православием».

[На подлиннике следы подписи и печать союза]

Печатано по постановлению Центрального Совета
Союза борьбы с православием»¹¹

Нужно сразу сказать, что состав и программа этого Союза остались тайной и для охраны, и, соответственно, для нас: ничем, кроме вышесказанных «объявлений», он себя не прославил. Однако и этих нескольких фраз, в совокупности с названием организации, было достаточно для того, чтобы вызвать к ней самый живой интерес – тем более, что после широкой рассылки «объявлений» замалчивать их для властей и поддерживавшей их прессы казалось уже более опасным, чем открыто бороться с ними.

Как бы то ни было, власть приняла вызов – хотя и после некоторых колебаний. 21 июня Петербургский митрополит Антоний от лица Синода выступил в печати с «Необходимым разъяснением», получившим широкий резонанс:

«Недели три назад по СПб усилено распространялись гектографированные листки от какого-то «Союза борьбы с православием», которое объявлено вредным для блага русского народа. Вместе с сим заявлялось, что союз «принял на себя во исполнение долга своего перед истиной и русским народом расследование дела о мощах Серафима Саровского и не остановится в случае надобности и перед вскрытием содержимого гроба»... Не осуждаю этой грубости, как и Господь не осудил Фому неверного. При том и помимо листков о мощах старца Серафима много легкомысленных разговоров даже между людьми образованными, благонамеренными и верующими».

Далее митрополит объяснял, что тление, которое коснулось мощей, не является поводом для сомнений в святости: «Доказательство святости чудеса. Нетление мощей, когда оно есть, есть чудо, но только дополнительное к тем чудесам, которые творятся через их посредство»¹².

В общем, «разъяснение» было сделано в весьма сдержанном тоне и по существу. Очевидно, что Синод воспринял «объявления» «Союза», как провокацию: было ясно, что их авторов (или автора) совершенно не волнует вопрос о том, насколько достаточны основания для канонизации Серафима – им желательно было скомпрометировать эту «затею» правительства и церкви любыми средствами. Поэтому Антоний упор делал не на обличение неведомых авторов, а разъяснял всем, кто мог «усомниться» в святости Серафима, сами основания канонизации.

Тем более характерно, что эта, в принципе, разумная мера, вызвала порицание в придворных кругах, отрицавших, очевидно, саму возможность полемики по этому вопросу с неведомым «Союзом». А.В. Богданович, автор знаменитого дневника (супруга генерала Е.В. Богдановича, написавшего целый ряд статей и брошюр, посвященных Серафиму Саровскому), отметил 22 июня: «Недоброе впечатление на меня произвело письмо митрополита Антония, напечатанное в «Новом времени». Все, кто был у меня, порицают это письмо... Не следовало ему упоминать о гектографированных листках, которые начали распространяться по Петербургу... Все находят, что этим письмом митрополит Антоний не улучшил положения дела, а ухудшил его»¹³.

Любопытно, что опасения Богданович оказались в какой-то степени справедливыми: «Необходимое разъяснение» Антония вызвало соответствующую реакцию у противников власти. В подцензурной печати оно каких-либо комментариев не вызвало, по вполне понятной причине – выступать открыто на «борьбу с православием» здесь было невозможно. Зато на него сразу же откликнулось заграничное «Освобождение». П.Б. Струве посвятил «Разъяснению» целую передовую статью, которая начиналась характерной фразой: «Русская печать выразительно молчит о культурном событии первостепенной важности». Так же, как и Богданович (только, естественно, с совершенно противоположными чувствами), Струве выражает изумление, что «первенствующий иерарх» публично, в газетной статье, признал существование «Союза борьбы с православием». Еще более важным автор считает, конечно же, само существование подобного «Союза», который «говорит с представителями господствующей церкви языком энергичным до дерзости, какого еще не слышалось на святой Руси. Факт новый, еще невиданный в истории русской “смуты!”» Но, продолжает Струве, «самое замечательное, знаменательное и утешительное следует дальше. Дерзновенное слово возымело действие и правда выступила наружу. Митрополит Антоний признал, что *никаких нетленных останков Серафима Саровского – нет*, а остались только... кости да волосы». Далее автор выражает надежду,

что «эта правда пойдет широко в народ и заставит его крепко задуматься над опутавшим его, полицейски организованным церковным облаком, цели которого ничего общего не имеют с религией». Суть своих соображений Струве достаточно ясно сформулировал в злорадном восклицании: «Экий соблазн!»¹⁴.

В то же время выступление Антония в печати послужило сигналом для целого ряда проправительственно настроенных авторов; на протяжении всего лета 1903 г. В консервативной печати появлялись публикации, посвященные вопросу о нетленности мощей. В результате основания, полагаемые православной церковью для канонизации, были достаточно хорошо выяснены. Как справедливо замечал автор «Русского вестника»: «При современном неглубоком понимании нашим обществом религиозных вопросов разъяснение владыки (митрополита Антония – А.Л.) является весьма полезным не для одного только того обстоятельства, которым оно вызвано»¹⁵.

Разъяснение митрополита было поддержано и развито целым рядом авторов, в том числе и весьма авторитетными в данной сфере. Так, Е. Поселянин в статье «О святости, прославлении и нетлении святых» писал о том, что для канонизации первично *жизние* новоявленного святого, являющее собой «подвиг, страдание, отречение от своекорыстных нужд, чрезвычайной важны *чудеса*, им явленные». Что же касается почитания мощей, то оно, писал Поселянин, «Есть скорее следствие канонизации, чем его причина». Он замечал, что «многие не по разуму ревнующие готовы омрачить свою радость сетованием на то, что, как оглашено опубликованным от Св. Синода актом освидетельствования честных останков старца Серафима, *не обретенно целокупного его тела*. Ужасно то, что мы, в своих ожиданиях и требованиях, идем против воли Божьей и готовы уничтожать дивного чудотворца по своему духовному невежеству»¹⁶. Ему вторил автор «Русского вестника», писавший, «что требование нетленности мощей, как *решающего* признака святости, носило бы языческий и даже, так сказать, механический характер. Во имя чего требование такого однообразия в чудесах, творимых Богом, когда даже человеческая благая воля проявляется многообразно? В христианской церкви есть святые, от которых не осталось ничего, кроме имен и памяти боговдохновенных подвигов; в этих последних и заключается сущность вопроса»¹⁷.

В то же время авторы некоторых статей, в отличие от задавшего тон обсуждения этого вопроса митрополита Антония, основное внимание уделяли не столько мощам Серафима, сколько попыткам четко определить врагов – тех, кто сеет сомнение и в правомерности канонизации Серафима, и в православии в целом. Особенно характерна в этом отношении была статья, опубликованная в духовном журнале «Странник».

«Ясно: что зловредные прибавки (листочки – А.Л.) к событию прославления преподобного Серафима исходят от злобного и ненавидящего православия врага – общий враг человеческого рода, ищущий кого-либо поглотить и, при стремлении окончательно одолеть Христову Невесту – св. Церковь, только уязвляющий ее в пятку. Но этот враг обрел себе среди русских подданных подходящее и надежное орудие, через посредство которого и действует видимо и осязательно на легковерную и неустойчивую в своих чаяниях и ожиданиях часть русского общества».

Далее автор выясняет, кто на Руси может играть роль этого орудия страшного врага – то есть Сатаны. В своем перечне он упоминает разнообразных сектантов, раскольников-староверов, «католических ксендзов», евреев – то есть представителей разнообразных вероисповеданий, находящихся вне синодальной православной церкви¹⁸.

Следует отметить, что подобные «глобальные» выводы были, скорее, исключением: большинство консервативно настроенных авторов целенаправленно искало – и находило – корень зла в атеистически настроенной или, в лучшем случае, слабой в вере интеллигенции. Сама, сомневаясь во всем, эта интеллигенция, по их мнению, пытается сеять сомнения и в народе. В это же время в статьях подобного рода всячески подчеркивалось, что народ тверд в своей вере и никакие листовки эту веру поколебать не смогут. Особенно характерны в этом плане рассуждения некоего «земского служащего», воспроизведенные автором статьи «Путешествие в Саров»: «Многие уверяли, что мощей собственно нет, что тело Угодника истлело, что поэтому

для признания его святости нет достаточно оснований... Мы, интеллигенты, много рассуждаем всегда о предметах веры, много сомневаемся, – и от этого сами себя лишаем тех благодатных дарований, кои подаются по вере. А вот простой наш народ верует сердечно, не мудрствуя лукаво, – а потому в изобилии пользуется всеми благами веры – он счастливее нас. О! как благоговейно наш простой народ чтит память новоявленного Угодника Божия, с каким усердием притекает к нему, стараясь быть достойным его милостей. Мне пришлось в день открытия мощей преп. Серафима быть около Сарова для наблюдения за питейными заведениями, и я мог видеть настроение народа: мне казалось тогда, что если бы все питейные заведения в то время были открыты, – народ не пошел бы в них. Так благоговейно он был настроен. Так живо было в нем тогда чувство нравственного достоинства!»¹⁹

В целом вопрос о мощах Серафима, об основаниях, необходимых для канонизации, явился как нам кажется, во многих отношениях определяющим для всей газетно-журнальной компании, посвященной Саровским торжествам. С одной стороны, здесь уже очень ярко проявилось неприятие оппозиционной общественностью самой идеи канонизации Новоявленного святого. Не принимая эту «затею» в принципе, представители общественности попытались скомпрометировать ее, ухватившись за слабое, по их мнению, место. При этом их меньше всего интересовало, является ли Серафим Саровский святым или нет (П.Б. Струве в «Освобождении» само поклонение мощам откровенно называл «нелепым суеверием»²⁰). И в этом отношении «Необходимое разъяснение» митрополита Антония и ряд статей в духовных и светских журналах были вполне понятны и, пожалуй, уместны – в них действительно разъяснялась сущность самого процесса канонизации. В то же время, в некоторых случаях – наиболее выразительна в этом отношении статья в «Страннике» – защитники православия как бы поддавались на провокацию своих противников, впадая в озлобленный тон и разжигая ненависть к инакомыслию и инаковерию в принципе. Резкая, непримиримая полемика, связанная с обретением мощей, продолжалась затем в том же духе на протяжении всех Саровских торжеств, охватывая все новые и новые вопросы.

Примечания

¹См., например, Уортман Р.С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. В 2 томах. Т. 2. М., 2004. С. 519 – 525.

²Фриз Г. Церковь, религия и политическая культура на закате старой России. // История СССР. 1991. № 2. С. 108 – 111.

³Революционная Россия. № 20 от 15 марта 1903 г.

⁴ГА РФ. Ф. 102. Оп. 231. Д. 615. Л. 22 – 23.

⁵Короленко В.Г. Письмо А.П. Чехову от 29 июля 1903 г. // Короленко В.Г. Соч. в 10 томах. Т. 10. М., 1956. С. 380.

⁶Обнинский В.П. Последний самодержец. М., 1992. С. 73.

⁷Кони А.Ф. Николай II. // Николай II. Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 166.

⁸Короленко В.Г. Письмо Н.Ф. Анненскому от 29 июля 1903 г. // Короленко В.Г. Указ. соч. С. 378.

⁹Революционная Россия. № 19 от 1 марта 1903 г.

¹⁰ГА РФ. Ф. 102. Оп. 231. Д. 615. Л. 13, 14, 16.

¹¹Там же. Л. 17, 20.

¹²Митрополит Антоний. Необходимое разъяснение. // Новое время. 1903. № 9803 от 21 июня.

¹³Богданович А. Три последних самодержца. М., 1990. С. 289.

¹⁴Освобождение. 1903. № 2 (26). С. 17 – 18.

¹⁵Н.В. Мощи преподобного Серафима Саровского. // Русский вестник. 1903. № 7. С. 388.

¹⁶Поселянин Е. О святости, прославлении и нетлении мощей. // Московские ведомости. 1903. № 190 от 13 июля; № 191 от 14 июля.

¹⁷Н.В. Указ. соч.

¹⁸М.К. Клика в борьбе с историческим событием нашей церкви. // Странник. 1903, №3. С. 415 – 417.

¹⁹Т.Н. Путешествие в Саров. // Душеполезное чтение. 1904. № 1. С. 106 – 107.

²⁰Освобождение. 1903. № 2 (6). С. 17.

Литература

1. Захарова Л.Г. Кризис самодержавия накануне революции 1905 года. // Вопросы истории. 1972. № 8.

2. Кризис самодержавия в России. 1895 – 1917. Л., 1984.

3. Фриз Г. Церковь, религия и политическая культура на закате старой России. // История СССР. 1991. № 2.

4. Обнинский В.П. Последний самодержец. М., 1992.

5. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. М., 1992.

6. Предисловие. // Преподобный Серафим. Царь и народ: чудо прославления. Саров – Дивеево, 1903. М., 2003.

7. Мавлиханова Е.А. И пропоют летом пасху. Саровские торжества 1903 года. М., 2003.

8. Уортман Р.С. Мифы и церемонии русской монархии. В 2хх томах. Т. 2. От Александра II до отречения Николая II. М., 2004.

Левандовский Андрей Анатольевич. E-mail: mariapankina92@yandex.ru

Дата поступления: 21.10.2019

Дата принятия к публикации 10.11.2019

**THE SOURCES OF CANONIZING SERAPHIM SAROVSKY
(POLICY IN PERIODIC PRINT IN CONNECTION WITH RECOVERY OF POWER)**

DOI: 10.25629/HC.2019.11.05

Levandovski A.A.

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to the initial stage of the grand polemic that engulfed the Russian press in 1903, in connection with the canonization and glorification of Seraphim of Sarovsky. The author focuses on a tough discussion that erupted in connection with the acquisition of the relics of the newly appeared saint; it was caused by the fact that the remains of the old man are poorly preserved. The article traces how this discussion unfolded, the cause of which was given by the press, which were published illegally: the Socialist Revolutionary “Revolutionary Russia” and the liberal “Liberation”; analyzes the “Necessary clarification”, which was delivered by the St. Petersburg Metropolitan Anthony on behalf of the Holy Synod; Speeches on the subject of conservative, pro-government press organs are examined in detail. Turning to the memoirs of diaries and correspondence of contemporaries, as well as to archival materials of the Police Department, the author gives an idea of how the issue of gaining relics and the controversy connected with it were perceived in different circles of Russian society. Particular attention in the article is drawn to the fierce, irreconcilable nature of the discussion, to the polarity of the positions taken by its participants. In conclusion, the author concludes that the discussion of the acquisition of relics set the tone for all further controversy that unfolded in the press during the canonization and Sarov celebrations and exacerbated the tense socio-political situation in pre-revolutionary Russia.

Keywords: Seraphim of Sarov, canonization, gaining relics, Sarov celebrations, conservative, liberal and radical press, polemic, Police Department, Metropolitan Anthony, P. B. Struve.

Levandovsky Andrey Anatolyevich. E-mail: mariapankina92@yandex.ru

Date of receipt 21.10.2019

Date of acceptance 10.11.2019